

По причине своей нацеленности на выяснение предельных оснований бытия социальная философия не ограничивается только собственно социальными проблемами. Экзистенциальное и межличностное служит моделью для осмысления социального и, наоборот, социальное выступает как модель для осмысления межличностного и экзистенциального. В частности, социальные философы себя (свое бытие, свою психологию, свои межличностные отношения) проецируют на общество, на общественные отношения, и это законный ход в их рефлексии.

Отношения «Я – Другой» в рамках межличностных отношений в основном управляемы и подчиняются *доброй воле*, они, несомненно, способны к культивированию. (Так, по крайней мере, представляется здравому рассудку). Но социальные отношения, в очевидной противоположности к межличностным, включают некоторые «потусторонние», «запредельные» *стихии*, которые, как это ясно и обыденному здравому смыслу, совершенно не подвластны доброй воле и культуре, а, напротив, формируют само содержание и формы существования этой доброй воли и определяют движение самой культуры, подчас сметая, разрушая все благие намерения как в области экзистенциальной, так и в области межличностных отношений. Эти силы и стихии, как в сфере социального, так и в сфере межличностного и экзистенциального, могут и должны *культивироваться*. Добрая воля, таким образом, постоянно пытается взять у них реванш. Социальная философия в этом смысле своей рефлексией *культивирует* социальное, — участвует в «усмирении» социальных стихий, — в попытке подчинить их доброй воле. Таким образом социально-философская рефлексия предстает как *единство выражения социальных стихий в понятиях, с одной стороны, и попыток их культивировать с помощью разумной доброй воли, с другой*.

В.Е. КЕМЕРОВ (Уральский государственный университет)

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Постановка проблемы

Прежде чем отвечать на вопросы редакции, хочу высказать одно соображение, резюмирующее опыт дискуссий о предмете и статусе социальной философии, проходивших в России в последнее десятилетие. Главная трудность — понимание того, что социальная философия не может быть определена и рассмотрена в общем виде; ее можно «разглядеть», только намечая собственно социально-философские предпосылки, уже содержащие конкретные характеристики общества, предположения о включенности философии, науки, культуры в динамику социального процесса. Судя по всему, такое понимание дается с большими усилиями или не дается вовсе. Но если даже оно достигается, сразу же вырастает сложная методологическая задача: как приспособить — искомую! — социальную философию для характеристики ее состояния?.. Привычные схемы, сработанные по принципу «первично — вторично», «начало-конец», «верх-низ», — здесь не годятся. Смена моделей?.. Смена методологической стилистики?.. Да... Почему?.. Это — тоже социально-философский вопрос.

Социальная философия, как ни одна другая дисциплина, требует рассматривать ее в конкретном социальном контексте. Но сам этот контекст может быть определен только при наличии теоретико-методологического аппарата социальной философии. Парадокс?.. Если рассматривать социальную философию как некую данность, — да. Если характеризовать ее как некую составляющую социальной дина-

Кемеров Вячеслав Евгеньевич (р. 1943) — доктор философских наук, профессор, известный социальный философ, крупный специалист в области гуманистического направления в социальной науке, заведующий кафедрой социальной философии Уральского госуниверситета. Автор монографий и пособий, в т.ч. «Проблема личности: методология исследований и жизненный смысл» (М., 1977), «Взаимопонимание» (М., 1984), «Духовность и рациональность» (М., 1986), «Методология обществензнания» (Свердловск, 1990), «Введение в социальную философию» (М., 1994; 2-е изд. — 1996), «Современный философский словарь» (М., 1996; 2-е изд. — 1998); «Социальная философия: Словарь» (М., 2003) и др.

мики, то есть *сделать ее динамикой предметом специального анализа*, имеющего методологическое значение для определения ее перспектив, — нет.

Более того, если мы отходим от преимущественно логического определения предмета социальной философии, мы получаем возможность обнаружить не только ее динамику, но и динамику, так сказать, «совокупной» философии, включающей различные дисциплины. Социальная философия развивается не автономно от них, а в различных отношениях — притяжения и отталкивания — с ними; вместе с ними она претерпевает социальную эволюцию, проходит исторические пороги и повороты, но в отличие от них (логики, гносеологии, онтологии) она обладает возможностями для выявления связей между «внутренними» и «внешними» изменениями, составляющими эту динамику... Это позволяет увидеть и меняющиеся отношения социальной философии с научным и ненаучным общественным знанием, отношения, выходящие далеко за пределы теоретической проблематики и часто эту проблематику диктующие.

Если же такой подход игнорируется и социальная философия вместе с сопоставляемыми дисциплинами рассматривается «в общем виде», как некая социальная, историческая или культурная универсалия или, хуже того, как интуитивно ясная форма, тогда и возникает масса препятствий, блокирующих продуктивное развертывание дискуссии.

Социальная философия: философия или наука?

Такая постановка вопроса как раз и диктуется традицией рассмотрения философии (и науки) в «общем виде» (то есть в отсутствие социально-философского обоснования). Если попытаться отвечать на вопрос в рамках этой традиции, придется сказать: философия — не наука, в том же смысле, что наука — не философия, а философия — не экономика, а экономика — не религия, а Институт философии — это не Институт стали и сплавов, а Сельскохозяйственная академия — не Консерватория. После этого на философии можно ставить крест — к радости идеологов нигилизма и деструктивности. Главное же, пропадает существо проблемы: кому нужна философия, что она делает, что она может изменить в себе и вокруг себя?

С точки зрения социальной философии, на поставленный вопрос однозначно, как сейчас любят говорить, ответить нельзя. Пред-

варительно необходимо выяснить: о какой философии и о какой науке идет речь, в какой эпохе находятся они, в каком типе социальной функционируют. Это выяснение и есть социально-философская проработка данного вопроса. И если она проделана, результаты не будут соответствовать ответам, получаемым при традиционной трактовке этой дилеммы.

Если речь идет об европейской античности, то сближение философии и науки будет выглядеть вполне естественно: многие разделы науки зарождаются и развиваются внутри философии; логика «работает» на философию, а философия использует логику как инструмент своего воздействия на общество, подкрепляет логикой свой — и всякий другой — авторитет.

В индустриальном обществе пути философии и науки расходятся, поскольку наука вырабатывает собственные нормы и стандарты деятельности и общения. Более того, наука начинает вытеснять из философии ее собственные нормы и стандарты; с точки зрения классической науки философия представляется ненаучной. Вот для этой ситуации поставленный вопрос: «философия — наука или нет» — видится вполне уместным; только его надо переформулировать: является ли философия наукой с точки зрения науки *классической*?

А вот в нашу, *постклассическую эпоху* дело выглядит иначе. В передовых разделах современной науки (и естествознания, между прочим) мы обнаружим массу философских допущений, касающихся и субъекта и средств и объектов познания. Невозможность рассматривать процесс взаимодействия людей с миром безотносительно к их субъектным характеристикам и средствам их деятельности полагает предел объектной науке, а необходимость работать с неклассическими объектами заставляет делать весьма сильные метафизические допущения. Современная философия с точки зрения классической науки, конечно, наукой не является. Так ведь *и современная наука, с точки зрения классической науки, наукой не является тоже*. Так социально-философский взгляд на вопрос приводит не только к его переформулировке, но и к прояснению тех проблем, которыми действительно приходится заниматься социальной философией.

Парадигмы социальной философии

Чтобы охарактеризовать ближайшие перспективы социальной философии, важно определить состояние ее отношений с общественным знанием.

Необходимо также учесть, что имели и имеют место *разные типы отношений между философией и обществознанием*. Можно выделить, по крайней мере, три таких типа:

а) до возникновения *научного* обществознания (т.е. — до XIX в.), когда социальная философия не отделена еще от абстрактно-метафизических рассуждений и спекулятивной философии истории;

б) в ходе становления и обособления научного обществознания, когда последнее и социальная философия сосуществуют по правилам дополнительности, т.е. — как конкретное и абстрактное, частное и общее, эмпирическое и теоретическое;

в) в процессе преодоления методологического дуализма — структурного и индивидуального, социального и гуманитарного (2-я половина XX в.), когда определяется социально-онтологическая взаимосвязь предметных ориентаций различных социально-гуманитарных дисциплин, их зависимость от форм повседневного опыта людей⁶.

В рамках первого типа (или, если угодно, — парадигмы), социальной философии — как концепции, обладающей достаточной стройностью и полнотой — еще нет. Ее работа «разобрана» между онтологией, гносеологией, теологией, этикой, философией истории, права, политики. С этой точки зрения, надуманными представляются попытки обнаружить концепции социальной философии (тем более — социологии) у древних философов.

Социальная философия и философия «вообще»

Интересен вопрос: почему спустя 150 лет после кризиса философской метафизики и спустя почти полвека после крушения позитивистской концепции единства знания сохраняется идея «общей философии», существующей *рядом* с философией социальной, философией культуры, познания и т.д., а то *и над* ними?... Социальная философия может дать следующий ответ. Идея «общей» (или теоретической, или систематической) философии обслуживает *две социальные функции*: а) культурно-педагогическую и б) бюрократическую.

Культурно-педагогическая функция общей философии реализуется путем сжатия всего объема философских проблем и представления

⁶ См. подробнее: Кемеров В.Е. Концепция радикальной социальности // Вопросы философии. 1999. № 7; Кемеров В.Е. Обществознание // Современный философский словарь. Лондон, 1998; Кемеров В.Е. Введение в социальную философию. М., 2001. Гл. 2.

их в виде некоей картины, которая используется в качестве одной из форм социального воспроизводства, набора особого рода схем трансляции человеческого опыта. Бюрократическая же функция общей философии обслуживает определенную традицию и практику управления образованием. Эта практика исходит не из проблем и предметов философской работы, а из сложившейся иерархии позиций. В рамках этой функции сохранение общей философии есть одно из условий сохранения бюрократической системы управления, а стало быть, и той дисциплинарной матрицы, которая удобна для этой системы.

Социальная философия и антропологизм

Общая философия и философская антропология на паях владеют одной схемой; это — схематизм человека «вообще». Для классической философии — то есть до середины XIX в. — существование и действие этого схематизма культурно-исторически оправдано.

Социально-философский анализ показывает обусловленность работы этого схематизма определенными общественно-практическими и духовно-теоретическими «механизмами». В рамках самой философии он поддерживался соответствующими схематизмами онтологии, гносеологии и логики. Последние давно уже утратили свое прежнее значение. А схематизм абстрактного человека все еще находит поддержку в рамках философской антропологии. Но поскольку он поддержку онтологии, гносеологии и логики он «скукожился» до весьма банального представления жизни отдельного человеческого индивида. Этот образ человека в философской антропологии мало отличим от образа человека, подразумеваемого постмодернистскими идеологиями, теми самыми, что, казалось бы, являются антиподами антропологической философии.

С точки зрения социальной философии, схематизм абстрактного человека — это одна из возможных моделей. Выявление других схематизмов и взаимодействия между ними — открытый вопрос разнообразных социально-гуманитарных исследований.

Социальная философия: методология и теория

Как теории, социальной философии свойственна принципиальная неполнота. Теоретический компонент является, возможно, самым важным, но он базируется на других составляющих человеческого опыта и как систематизированная концепция появляется только в качестве про-

межуточного пункта социально-философской работы. Гораздо сильнее интегрирующая функция социально-философской деятельности проявляется в ее *методологической* ориентации, когда в разных формах человеческого опыта, в разных дисциплинах и идеологиях обнаруживается *направленность на общую проблематику, попытки выявить соответствующие средства деятельности* и общения, изменения практических и мыслительных форм. Примером может служить становление антиредукционистской методологии, в которой антиредукционизм трактуется не как реакция на классический рационализм, а как *форма синтеза различных* познавательных, логических, бытийных средств, соответствующая конкретной динамике социального процесса.

Еще одно соображение по ходу дискуссии

Если бы читатель следил за тем, как протекает наша дискуссия о социальной философии последнее десятилетие, он обнаружил бы, что по-прежнему обсуждение обусловлено кардинальными различиями двух позиций: той, что определяет социальную философию как некую познавательную и культурную константу, и той, что рассматривает социальную философию как выражение динамики общества и в этом контексте — культурных, познавательных и междисциплинарных отношений.

Но если уж мы оказались в такой ситуации, надо отдавать отчет в том, что каждая из позиций не нейтральна по отношению к понятийному составу и методологической динамике современного обществознания, а через него — и к состоянию нашего практического бытия.

Скажем, понимание социальной философии как константы, соответственно вводит такой константный подход в рассмотрение всех основных понятий и прежде всего самого понятия о социальном. Социальное трактуется как некая устойчивая структура, обеспечивающая общение, действия, самореализацию людей. Социальное оказывается в ряду квазиприродных сил и форм, скрепляющих людей в какие-то коллективные образования. Теоретически это предопределяет оценку кризиса жестких социальных структур как распад или смерть социальности. Практически это ведет к тому, что духовные наставники, придерживающиеся такой социальной философии, не могут объяснить, почему российский человек, как только он оторвался от жесткой коллективности, не может в своей автономности реализовать себя как социальное существо; тем более им трудно оценить перспективы этого положения...

Если мы понимаем социальную философию как выражение динамики общества (и в этом плане — динамики философии и обществознания), мы, естественно, иначе будем описывать социальность, соотношение понятий социального, коллективного, индивидуального. Так, оппозиция социального и индивидуального и соответствующее отождествление социального с коллективным и структурным предстанут выражениями определенного типа общества и вырастающих на этой почве теоретико-методологических конструкций. Тогда, в частности, становится понятно: коллективная и индивидная деятельность людей — разные каналы социального воспроизводства, в различных соотношениях закрепляющие конкретику социальности.

Но если это так, то под вопросом оказываются многие ключевые понятия философии (субъект, например) и обществознания, если это так, то проблематизируются и традиционные отношения между дисциплинами (внутри) философии и дисциплинами (внутри) обществознания и уж, конечно, меняется соотношение философского, научного и обыденного в познании общества. С этих позиций трудно предположить, что социальная философия в стотысячном античном городе и социальная философия в пятимиллиардном человеческом сообществе — это одно и то же...